

Устойчивым курсом?

Бывают шторма и штили. Сильный рубль — это плохо?
Это штиль, обманчивое затишье? А слабый рубль — это хорошо?
Это шторм? А может быть, наоборот? Сложно сказать...

Текст
ЯНА ШИШКИНА,
главный редактор «Б.О.»

«В результате наших беспрецедентных санкций рубль почти немедленно превратился в щебень [игра слов от англ. rubble. — «Б.О.»].

Российская экономика — и это правда, между прочим, предлагает один американский доллар за 200 российских рублей», — сообщил миру в марте 2022 года на пресс-конференции в Варшаве в то время президент США Джо Байден. Не будем лишним раз троллить «мирового гегемона», хотя правда состоит в том, что даже на кратковременных «максималках» курс рубля в 2022-м был около 140 рублей за североамериканский доллар.

А что же все-таки с рублем, сейчас? С начала 2025 года, вопреки всему, он снова укрепился и балансирует на уровне 70 с небольшим за доллар США. Курс рубля остается стабильным в условиях, которые для любой другой валюты создали бы обвал. Это факт. Но за этим фактом — запутанные, неоднозначные процессы и сложная работа мегарегулятора. Найти правильный баланс для экономики — задача не для гадалок на нефтяной свече и не для приглашенных «независимых экспертов» на ток-шоу федеральных телеканалов. Это задача для Центрального банка с его ДКП, бюджетным правилом и пониманием того, где работают циклические, а где структурные факторы.

Циклические факторы — высокая ключевая ставка, состояние текущего счета, бюджетное правило, которое ограничивает влияние нефтяной лихорадки на бюджетные расходы. Структурные — трансформация платежного ландшафта, глубина рынка, доверие к национальной валюте. И здесь, на стыке задач стабильности и потребностей реальной экономики, возникает самый острый вопрос: какой рубль нам нужен?

Его в этом номере ставит Павел Самиев в статье: «Контрольный выстрел в произ-

водственный сектор». В России — «перекрепление» рубля. И оно, по мнению автора, вредит всем. Экспортерам — потому что их выручка в рублях падает. Производителям, которые занимаются импортозамещением, — потому что дешевый импорт становится конкурентнее. Бюджету — потому что нефтегазовые доходы сокращаются.

Есть ли выгодоприобретатели? Теоретически, это В2В-импортеры — те, кто покупают основные средства. Если рубль сильный, можно купить больше оборудования и технологий на ту же сумму в рублях и ускоренными темпами модернизировать производство. Но этого не происходит, потому что нет инвестиционного спроса. Нет роста, бизнес — в ступоре, выручка стагнирует, перспективы туманные. И индикаторы бизнес-климата сегодня ниже, чем были в последние три года. Сравнимые провалы наблюдались в 2022-м и 2020-м.

Ирония: сильный рубль мог бы стать окном возможностей для технологического рывка. Но окно открыто в пустоту. Если сильный рубль — «контрольный выстрел», то слабый рубль — инфляция. Так что выбор между сильным и слабым рублем — ложная дилемма. Нужна и не сильная, и не слабая национальная валюта. Нужна устойчивая, предсказуемая, чтобы бизнес мог планировать хотя бы на год вперед.

Дмитрий Мирошниченко в статье «Истина в стакане, биржевом» предлагает поновому посмотреть на классические финансовые инструменты. Биржевой стакан не врет. Вопрос в том, как реорганизовать валютный курс, чтобы рынок функционировал стабильно, без сбоев и лихорадки.

«Вопрос о том, какой курс нужен экономике, относится к клану аксакалов. По длине бороды с ним соперничают только темы “откуда взять длинные деньги” и “скоро вашему доллару кирдык”», — иронизирует эксперт. Не будем претендовать на «открытие Америки». Мы просто взглянули на старые аргументы под новым углом, когда видны и скала с железным постаментом (экономика реального сектора), и море вокруг (финансовая отрасль).

Б.О.